

УДК 340.141(=512.154)

**ИНСТИТУТ ПРИСЯГИ ПО НОРМАМ ОБЫЧНОГО ПРАВА КЫРГЫЗОВ
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Н.С. Турсунбаева

Рассматривается институт присяги по нормам обычного права кыргызов в составе Российской империи, а также ответственность за принесение лжеприсяги.

Ключевые слова: институт присяги; нормы обычного права; эреже.

**THE INSTITUTE OF JUDICIAL OATH TO THE NORMS OF A KYRGYZ COMMON LAW
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

N.S. Tursunbaeva

The article presents the institute of judicial oath to the norms of a Kyrgyz common law in the Russian Empire, and the responsibility for commit perjury.

Key words: the institute of judicial oath; norms of a common law; ereje.

Обычное право кыргызов отличается самобытностью и наличием различных институтов, вызывающих значительный интерес, в частности институт присяги. Такие источники обычного права кыргызов, как различные эреже съездов биев, подробно регулировали сам механизм принесения присяги. Однако нахождение положительных сторон принятия присяги в качестве доказательства в судебном процессе весьма затруднительно и скорее представляет собой пережиток времени, нежели инструмент, с помощью которого судья-бий мог установить наличие или отсутствие деяния, совершение или несовершение этого деяния тем или иным лицом, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Но, так или иначе, бии использовали принесение присяги по обычаю в качестве доказательства и до вхождения в состав Российской империи и после. С принятием «Степного положения», после вхождения Кыргызстана в состав Российской империи основанием для вынесения биями решений и приговоров стали признаваться вещественные доказательства и свидетельские показания, а не присяга, которая прежде заменяла все виды доказательств. О данном обстоятельстве в одном из эреже говорится: «Народные суды обязаны заботиться о собрании улики и свидетельских показаний по

возбужденному делу. Решения дел через очистительную или обвинительную присягу стараться избегать, по возможности, и много дел, решенных такою присягою, считать незнанием биями своего дела, их неспособностью собрать другие доказательства» [1, с. 29]. Можно сказать, что с 1893 г. у кыргызов в некоторой степени уменьшается значение присяги, начиная уступать место иным видам доказательств, например, вещественным доказательствам и свидетельским показаниям. Однако принесение присяги по обычному праву кыргызов в суде биев существовало до первых лет Советской власти. Так, в эреже существовал пункт, согласно которому в случае, если стороны не могли представить ясных доказательств, бии назначали присягу по обычаю [2, с. 92].

Механизм принесения присяги подробно описывается Н.И. Гродековым, считавшим, что присягать могли лишь совершеннолетние, поскольку дети значения присяги не понимали [3, с. 208]. Также, согласно Эреже Токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г., не разрешалось принимать присягу женщинам: «Свидетельство женщин и детей не служит доказательством, а служит только поводом к подозрению, оно должно быть подтверждено присягою мужей или старших родственников» [2, с. 29]. Такое обстоятельство, по всей видимости,

было связано с тем, что XIX в. по-прежнему не уравнивал в правах мужчин и женщин, делая последних зависимыми от первых.

Присяга назначалась на срок от 7 дней до 4 месяцев и давалась до заката солнца в назначенный день [4, с. 7].

Продление срока принятия присяги допускается, как сказано в одном протоколе, «согласно адату и шарияту», по уважительным причинам, как например, по болезни присяжного, засвидетельствованной благонадежными лицами. Постановление об отсрочке этой присяги, которая еще не «протухла», т. е. не стала невозможной, бий составляет особый протокол (Перовский уезд). Если срок присяги просрочен присяжным по дальности расстояния или по несчастному случаю, то суд устанавливает решение о проигранном процессе. Но если, непосредственно за постановлением решения, явится присяжный и объяснит причину задержки, то он не лишается права присягать. Отказ или побег присяжного от присяги означает, что его сторона неправа и проигрывает дела [3, с. 209]. Лицо, которое должно было присягать, называли «взявший на душу».

Бий давал джанга-устамгану срок, в течение которого он разведывал все обстоятельства дела: расспрашивал одноаульцев о поведении тяжущегося, невинность которого он должен был подтвердить присягой. Поиск такого лица становился повальным обыском. При расследовании дела использовались всевозможные средства. Джанга-устамган, проведя расследование по делу обвиняемого, являлся в назначенный срок к бию и своим свидетельством под присягой подтверждал его невинность.

Если в назначенный срок он не установил каких-либо новых обстоятельств дела, то он являлся к бию и говорил: «При всех моих стараниях я не открыл ничего, что могло бы обвинить (или лицо, о котором он проводил расследование). Все одноаульцы или большая часть из них отзываются о нем, как о честном человеке, поэтому я не признаю его причастность к такому-то делу; в подтверждение же беспристрастного моего суждения я принимаю присягу». Его показания признавались несомненным доказательством. Неявка вышеуказанного лица в назначенный срок без уважительных на то причин признавалась обвинением того лица, за которое он должен был присягать.

По обычаю присяга совершалась на могилах предков. Присягающий обходил вокруг могилы и говорил при этом: «Завладей моей душой дьявол (если он присягал ложно), по смерти не имей моей душе покоя, а телу савана». Священное такой присяги у кыргызов ничего не было, поэтому и брались они за присягу очень неохотно. К клят-

ве-присяге обращались редко, ибо она признавалась актом весьма щекотливым: присягнуть, говорил кыргыз, это значит «жан бермек», т. е. отдать душу. Присяга совершалась по обычаю кыргызов и по Корану, поэтому присяжные всеми силами старались примирить противников, в случаях справедливого иска торговались за ответчика. По результатам договоренности между истцом и присяжным ответчик был обязан платить, даже если не был согласен. Если возможности избежать присяги никакими другими способами не было, присяжный соглашался уплатить половину иска, чтобы только не присягать; такая плата называлась «жан садагасы», т. е. выкуп души. У кыргызов на этот счет есть очень любопытная поговорка: «Не присягай, хотя бы и за правду, а откупись лучше скотом, даже если у тебя его мало». Многие богатые кыргызы откупались от присяги и за себя, и за своих детей. По кыргызским обычаям освобождались от присяги только бии и манапы, совсем освобождались от присяги женщины; слуги могли присягать за всех, за исключением своего хозяина.

Присяга по Корану была более распространена в Южной части Кыргызстана, чем в Северной. Это объясняется тем, что на Юге шарият имел гораздо большее значение. Перед присягой муллы и бии уведомляли присягавших, чтобы они были правдивыми независимо от дружбы или вражды тяжущихся. Приведение к присяге людей, производилось муллою по Корану. После повторения клятвенного обещания на арабском или персидском языке, присягатель-кыргыз внизу, под изложением клятвенного обещания, подписывался, потом прилагал свою тамгу или ставил на бумаге отпечатки своих пальцев. На этом же бланке, специально изготовленном типографским способом, после присягателя подписывалось лицо, приводящее к присяге, с указанием, какой судебный чиновник при этом присутствовал. Присяга же людей, не принимающих Коран, заключалась в подтверждении их показаний, при могилах или просто на курганах и вообще на возвышенных местах.

Присяга была двух видов: очистительная со стороны обвиняемого и подтверждающая со стороны потерпевшего. Очень часто употреблялась очистительная присяга. Способы принятия присяги бывали различные. Самым тяжелым видом присяги была следующая форма: присягатель по указанию муллы, брал в руки Коран, целовал его и произносил слова: «Кудай урсун, Куран урсун» (Пусть накажет Бог, Коран). Присяга по легкому способу выглядела так: присягатель, обращаясь к потерпевшему, должен был публично произнести слова: «Калп айтсам ант урсун» (Если я за неправду присягаю, то пусть за нее умру) [5, с. 228–230].

Поскольку такое доказательство, как присяга, основывается лишь на принесении клятвы, а не на объективных обстоятельствах и фактических данных, ее ценность заключается в истинности, поэтому важное значение у кыргызов имеют нормы обычного права об ответственности за принесение ложных присяг.

Г. Загряжский отмечал, что за принесение ложной присяги в соответствии с вредом, который присяжный мог бы нанести невинному, если бы не открылась ложность присяги, его подвергали или телесному наказанию от 25 до 40 ударов нагайкою, или взысканию штрафа тугузами (девятками) – от 1 до 9, в случае, если ложная присяга или ложное свидетельство учинено им в делах по тяжбам об имуществе [6, с. 279–280].

В случаях, когда одна из сторон узнает, что присяжный был подкуплен другой стороной и докажет это суду биев, то виновную в подкупе сторону бии приговаривали к уплате за все, что было присуждено первым решением с убытками. Это в случае, если присяжного подкупил ответчик. Если же подкупил истец – его обязывали возратить все полученное с убытками. Но это касалось лишь сторон, подкупивших присяжного, а не самого лица, принесшего клятву в виде присяги. Подкупленный же присяжный ограничивался в своих правах: его не принимали в свидетели ни в каких делах, не допускали до присяги – одним словом, ему больше не верили.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обычное право кыргызов все же не содержало норм о достаточной ответственности лиц, принес-

ших ложные присяги, следовательно, истинность присяги зависела не от страха перед строгим наказанием, а от других факторов.

Причина, же почему за лжеприсягу не существовало строгого наказания, по всей видимости, заключается в том, что присяжный обыкновенно принимал присягу по принуждению родственников, а не по внутреннему убеждению.

Литература

1. Эреже Токмакского чрезвычайного съезда биев 1893 г. // Материалы по истории государства и права Казахстана. Алматы, 1994.
2. Эреже Чрезвычайного съезда Верненского и Токмакского уездов 19 августа 1869 г. // Материалы по истории государства и права Казахстана. Алматы, 1996.
3. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области / Н.И. Гродеков. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. Т. 1. Юридический быт.
4. Ибрагимова И. Заметки о киргизском суде // Из записок Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1878. Т. VIII.
5. Борубашов Б.И. Государственно-правовое регулирование общественных отношений кыргызов в составе Российского государства (1855–1917 гг.): историко-правовое исследование / Б.И. Борубашов. Бишкек, 2009.
6. Загряжский Г. Юридические обычаи киргиз / Г. Загряжский // Древний мир права казахов: материалы, документы и исследования. Алматы, 2005. Т. 6.